

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.5>

Герман Роман Эдуардович

[Система мер А. И. Нейдгардта по распространению российской власти на Северном Кавказе в 1842-1844 гг.](#)

Цель исследования - выявление причин введения и содержания системы политических мер по распространению российской власти на Кавказе, реализованных в начале 40-х гг. XIX в. В работе отражены взгляды высшего руководства Российской империи на способы укрепления власти России на Кавказе и их реализация генералом А. И. Нейдгардтом. Научная новизна работы заключается в анализе политических мер как системы, рассмотрении социальной и политической дифференциации мер по расширению сторонников российской власти. В результате доказано, что в период нахождения на Кавказе А. И. Нейдгардта была разработана и начала применяться стратегия распространения российской власти на Кавказе, которая в итоге привела к окончанию Кавказской войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/5.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 30-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.5>

Дата поступления рукописи: 15.05.2020

Цель исследования – выявление причин введения и содержания системы политических мер по распространению российской власти на Кавказе, реализованных в начале 40-х гг. XIX в. В работе отражены взгляды высшего руководства Российской империи на способы укрепления власти России на Кавказе и их реализация генералом А. И. Нейдгардтом. **Научная новизна** работы заключается в анализе политических мер как системы, рассмотрении социальной и политической дифференциации мер по расширению сторонников российской власти. **В результате** доказано, что в период нахождения на Кавказе А. И. Нейдгардта была разработана и начала применяться стратегия распространения российской власти на Кавказе, которая в итоге привела к окончанию Кавказской войны.

Ключевые слова и фразы: Кавказская война; генерал А. И. Нейдгардт; российская власть; Северный Кавказ; Российская империя; политические меры.

Герман Роман Эдуардович, к. ист. н., доц.
Ставропольский государственный педагогический институт
romger@mail.ru

Система мер А. И. Нейдгардта по распространению российской власти на Северном Кавказе в 1842-1844 гг.

Актуальность представленного исследования заключается в том, что в период службы на Кавказе А. И. Нейдгардта в ментальности высшего руководства Российской империи происходит понимание бесперспективности экспедиций «против непокорных горцев» как метода укрепления власти России на Кавказе и осуществляется возврат к системе, использовавшейся еще А. П. Ермоловым – постепенное установление власти на одних территориях и только потом переход к другим. Последовавшие после отзыва А. И. Нейдгардта с Кавказа события, такие как Даргинская («сухарная») экспедиция, заставили перейти к реализации этой стратегии на практике.

Для реализации поставленной цели было необходимо решить **задачи**: определить роль периода пребывания на Кавказе А. И. Нейдгардта в принятии решения верховной властью о мерах, наиболее эффективных для противодействия распространению влияния имама Шамиля; рассмотреть конкретные характеристики системы политических мер, направленной на укрепление российской власти на Кавказе. Применались такие **методы исследования**, как: историко-системный, позволивший рассмотреть применяемые российской администрацией на Кавказе меры в системной взаимосвязи мер репрессивных и поощрительных; историко-генетический дал возможность проанализировать меры по укреплению российской власти на Кавказе по ходу их разработки и реализации. Статья имеет **практическую значимость**, поскольку ее материалы могут быть использованы для подготовки лекционных курсов как по истории Российской империи в целом, так и по истории Северного Кавказа как части империи.

Теоретическую базу исследования составили памятные записки и высочайшие рескрипты императора Николая I, адресованные А. И. Нейдгардту, и обращения А. И. Нейдгардта к горским народам, рапорты военного министра императору А. И. Чернышеву о состоянии дел на Кавказе, мемуары и воспоминания участников Кавказской войны. В историографии Кавказской войны (дореволюционного, советского, постсоветского периодов) период А. И. Нейдгардта оценивается, несмотря на различие методологических подходов, без особых отличий, как период неудач российских войск и расширения влияния имама Шамиля; вопрос о дифференциации политических мер российской администрации по отношению к горцам «мирным» и «немирным» также специальное отражение в кавказоведческой историографии стал находить только в последние годы [12]. В статье были использованы труды В. А. Потто, А. Юрова, Б. М. Колубакина, М. М. Блиева, В. В. Дегоева. К числу недавних работ, достаточно детально отражающих систему мер российской власти по отношению к «мирным» и «немирным» горцам в 40-е гг. XIX века, следует отнести статью А. Т. Урушадзе [Там же].

40-е годы XIX века – период активизации деятельности имама Шамиля по распространению своего влияния на Северном Кавказе и его крупных побед. Имам не намерен был мириться с поражением при Ахульго и предпринимал все меры для расширения круга сторонников. В марте 1840 г. происходит провозглашение Шамиля имамом Чечни и Дагестана [1, с. 472; 2, с. 124].

В 1842 г. на Кавказ прибывает опытный военачальник – генерал от инфантерии А. И. Нейдгардт, назначенный главноуправляющим Закавказским краем и командиром Отдельного Кавказского корпуса, сменив на этом посту генерала Е. А. Головина. Усиление влияния Шамиля заставило Нейдгардта использовать не только предписанную ему оборонительную тактику, но и реализовывать на практике комплекс военно-политических мер. В историографии Кавказской войны хорошо известна фраза известного историка В. А. Потто о том, что, «как известно, после Паскевича назначен был на Кавказ барон Розен, Розена сменил Головин, Головина Нейдгардт, – и дела там шли все хуже и хуже» [7, с. 475]. Мы же хотим рассмотреть период службы на Кавказе А. И. Нейдгардта как своеобразный переломный момент, после которого стратегия распространения российской власти на Кавказе претерпевает значительные изменения.

Период пребывания на Кавказе Нейдгардта – это время, когда верховная власть уже понимает бесполезность экспедиций с целью наказания «непокорных горцев» и правильность системы, применявшейся еще А. П. Ермоловым – системы, основанной на постепенном распространении российской власти. Владычество империи твердо устанавливалось на одной территории, и только потом осуществлялся переход к следующей. Но одновременно изменить стратегию всего Отдельного Кавказского корпуса не представлялось возможным, следствием чего стала очередная крупная экспедиция, получившая название Даргинская («сухарная»), которая, оказавшись крайне неудачной, заставила верховную власть и командование окончательно изменить политику по установлению власти России на Кавказе.

А. И. Нейдгардт провел, основываясь на указаниях верховной власти, подготовку к данной экспедиции, но, как отмечал позднее один из офицеров, «не спешил исполнять волю Николая Павловича» [5, с. 111]. Исследователь истории даргинской экспедиции Б. М. Колубакин утверждал, что Нейдгардт поступил «прямодушнее», чем граф М. С. Воронцов в 1845 г., когда не предпринял «бесцельного и погибельного Даргинского похода, за исполнение которого, даже не веря в его успех, взялся граф Воронцов» [4, с. 57].

Современниками А. И. Нейдгардт характеризовался как «военный ученый» и опытный военачальник в европейской войне и в администрации [13, с. 231], а также человек умный, деятельный, строгий и справедливый. Гражданский губернатор Грузии Н. О. Палавандов писал, что после беседы с А. И. Нейдгардтом он «поздравлял Грузию и Кавказ с отменным, умным и образованным главноуправляющим» [3, с. 5].

Вскоре после назначения А. И. Нейдгардта на Кавказ Николай I адресует новому главноуправляющему на Кавказе памятную записку, в которой излагает свои взгляды на вопросы распространения и укрепления российской власти в регионе. На первой же странице документа император пишет: «Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным» [6, с. 375]. Эту фразу можно считать лейтмотивом всех предпринимаемых А. И. Нейдгардтом политических мер в период службы на Кавказе.

Николай I обращает внимание военачальника на то, что Россию соединяет с Закавказьем один «узкий перешеек», и, пока такая ситуация сохраняется, говорить о прочном владычестве России ни на Кавказе, ни в Закавказье не приходится. Для исправления ситуации необходимо «покорение враждебного нам населения Кавказа», но покорение должно быть осуществлено не одной только силой оружия, а, напротив, осторожными и неторопливыми действиями, подчиняя территории российской власти постепенно. Император обращает внимание Нейдгардта на недостатки системы экспедиций – потери в живой силе – и говорит о преимуществах иной стратегии – «постепенное, но верное занятие нужных точек» пространства позволит пусть не быстро, но распространить российскую власть на весь Кавказ. Также император обращает внимание Нейдгардта на необходимость замены регулярных российских войск «местными ополчениями», а регулярные войска следует направлять в резерв. В числе политических мер по распространению российской власти на Кавказе император видит и образование, поручая генералу Нейдгардту увеличивать количество учебных заведений и организовывать их так, чтобы представители разных народов Кавказа учились вместе, а наиболее талантливых отправлять для получения образования в России [Там же, с. 378-379].

На то, что сочетание военных и политических мер положит конец могуществу Шамиля, рассчитывали и в военном министерстве, в частности, военный министр А. И. Чернышев надеялся при помощи политических мер расторгнуть союз чеченских и лезгинских племен, находившихся под властью Шамиля. Предшественником А. И. Нейдгардта на посту командира Отдельного Кавказского корпуса – Е. А. Головиным велись переговоры с представителями дагестанской аристократии с целью организовать сопротивление горских племен, подвластных данным аристократам, действиям имама Шамиля. Об этих переговорах было сообщено А. И. Нейдгардту после его назначения на должность, но переговоры не привели ни к каким действиям со стороны представителей горских элит, оставшись безрезультатными. Проблема заключалась еще и в том, что, с точки зрения петербургской аристократии, к которой мы можем с полной уверенностью отнести и военного министра А. И. Чернышева, горцы являются подданными империи «по силе трактатов», тогда как сами горцы себя таковыми не считали [10, д. 6482, л. 35].

А. И. Нейдгардту было предписано донести горцам мысль о том, что российский император, подданными которого они являются, ни в коей мере не желает стеснить свободу их вероисповедания или «нарушать их народные обычаи», а напротив, стремится «упрочить» их спокойствие и благосостояние. Но все усилия российского командования на Кавказе прекратить сопротивление Шамиля исключительно путем переговоров оставались напрасными, что заставило военного министра прийти к выводу о том, что использование политических мер на Кавказе встречается с затруднениями. В то же время князь Чернышев не допускал мысли о том, что мероприятия, которые удаются англичанам в Индии, а французам – в Алжире, окажутся тщетными на Кавказе.

Причины сопротивления горцев А. И. Чернышев видит также в их невежестве, в незнании о пространстве и могуществе Российской империи и о том, что российские войска не ограничиваются одним Отдельным Кавказским корпусом. Это невежество, по мнению военного министра, заставляет горцев думать, «ободряясь временными успехами», что Россия из-за недостатка средств откажется от планов по «умиротворению» Кавказа. По его мнению, появление отрядов российской армии в Чечне и в Дагестане произведет сильное впечатление на умы горцев, убедит их в военном могуществе Российской империи и лживости уверений наивов, сделает их более сговорчивыми и здравомыслящими. Как мы знаем, в 1845 году была предпринята печально известная Даргинская («сухарная») экспедиция, закончившаяся большими потерями среди подразделений Отдельного Кавказского корпуса, а Кавказская война продлилась еще почти 20 лет после описываемых событий [Там же, л. 37].

А. И. Чернышев считал, что политические меры необходимо дифференцировать в зависимости от отношения горцев к российской власти. Так, мирные жители равнин Дагестана (шамхальства Тарковского)

в течение последних четырех лет, 1839-1843 гг., с одной стороны, постоянно подвергались нападениям немирных горцев, с другой – российскими властями на них накладывались повинности, неизбежные в условиях военного противостояния. Под воздействием данных обстоятельств хозяйства и моральный дух «покорных племен» пришли в упадок. Как предполагал А. И. Чернышев, военные успехи российских войск на левом фланге Кавказской оборонительной линии внушат уверенность мирным жителям в силе России. Для повышения благосостояния хозяйств мирных жителей планировалось привлекать их к подрядам по перевозке нужных для войск грузов, назначив за это справедливую плату.

Для того чтобы поощрить горцев служить России, военным министерством было решено установить денежное вознаграждение за достойную службу, которое выплачивалось бы незамедлительно, сразу после совершенного «отличия». Для этих целей А. И. Нейдгардту как командиру Отдельного Кавказского корпуса и его подчиненным, начальникам частей и подразделений, выделялись денежные средства. Продолжая характеристику кавказских племен, А. И. Чернышев отмечает, что есть горские «общества южного Дагестана», которые не проявляют враждебности к России открыто, но уклоняются под разными предлогами от исполнения требований российских властей и тайно поддерживают контакты с немирными горцами [Там же, л. 39]. А. С. Пушкин еще в конце 20-х гг. XIX в. предупреждал о том, как опасно полностью доверять «мирным горцам» [8].

Такого рода общества управлялись «хитрыми и осторожными кадиями» и выжидали, чем закончится противостояние Отдельного Кавказского корпуса и имамата Шамиля. Даже если представители этих горских обществ не участвовали в набегах и нападениях, они предоставляли свободный проход через свои земли войскам Шамиля. Военные успехи Шамиля еще больше склоняли колеблющиеся горские общества на его сторону. Для начала эти племена требовалось удержать от открытого проявления неповиновения, а затем донести «сомнительным обществам» мысль о том, что после разгрома Шамиля правительством участь каждого племени будет определена в соответствии с его заслугами перед Россией или отсутствием таковых и что выгода их заключается в том, чтобы склониться на сторону России. Впрочем, А. И. Чернышев, будучи опытным военачальником, понимал, что одни только «нравственные убеждения» не смогут быть более убедительными, чем военные победы российских войск над Шамилем, и что только они заставят колеблющиеся в своих убеждениях горские общества исполнять требования российских властей «с должною покорностью». Для того чтобы ослабить влияние Шамиля, Чернышев считал необходимым «поселить несогласие и раздоры» среди его главных сподвижников. Для реализации на практике этой стратегии А. И. Нейдгардту ставилась задача определить, какие «выгоды и преимущества» могут быть обещаны влиятельным горцам, которые перейдут от Шамиля на сторону России [10, д. 6482, л. 40].

Горские племена, открыто проявляющие враждебность в отношении российских властей и составляющие основную опору власти Шамиля, не представляли собой однородной массы и также требовали разных мер для обращения их в российское подданство. Так, например, чеченцы, жившие на равнине под покровительством России, изменили присяге и бежали в горы, и, соответственно, отказались от своих равнинных земель. Для возвращения чеченцев в российское подданство предполагалось разрешить поселиться им вновь на правом берегу реки Сунжи вблизи российских укреплений, которые позволят удерживать чеченские племена в повиновении. Селиться чеченцам разрешалось большими аулами как наиболее приспособленными для обороны. Левый берег Сунжи и пространство до реки Терека отводилось под заселение казаками, с образованием станиц и наделением их землей [Там же, л. 41].

Однако все же самым сильным средством воздействия на степень покорности и настроения горцев Чернышев считал прибытие крупных группировок российских войск в регион. В то же время военный министр считал важным донести горцам, что военные действия будут вестись не против народа, а против Шамиля и его непосредственных сторонников, упорствующих во враждебности России. На руку России играло и то, что Шамиль подверг подвластные ему народы тяготам войны, обложил тяжелыми налогами, сделав «легковерных горцев орудиями своих корыстолюбивых и кровожадных страстей». Также следовало объявить горцам, что российские войска на Кавказе, «сколь не огромно число их», составляют лишь часть всей российской армии и при необходимости могут быть еще усилены.

Таким образом, перед немирными горцами ставился выбор: упорствовать далее и вместе с Шамилем быть подвергнутыми наказаниям или перейти на сторону России, где им были гарантированы «неприкосновенность веры, обычаев и собственности». Тексты этих воззваний поручалось перевести на «татарский», т.е. языки горских народов, и на арабский язык и доставить в горы до начала военных действий. Для разгрома Шамиля, считали в военном министерстве, возможно использовать любые способы, и даже если потребуются значительные финансовые вложения, это в любом случае предпочтительнее, так как позволит сберечь войска и сократить военные расходы на ежегодные экспедиции по усмирению непокорных аулов. Позиция военного министра А. И. Чернышева была однозначной – использовать прежде всего политические меры воздействия и только в случае их безрезультатности применять военную силу [Там же, л. 42].

А. И. Нейдгардту предписывалось на месте определить размер суммы, необходимой для организации «тайных сношений» с ближайшим окружением Шамиля, а также решить комплекс вопросов: о мерах по облегчению повинностей мирных горских племен; о вознаграждении горцев, отличившихся на русской службе; о влиянии на колеблющиеся горские общества с целью склонить их на сторону России; о вознаграждении влиятельных представителей горской аристократии, способствовавших переходу сторонников мюридизма под власть России; о содержании воззвания к непокорным племенам и способах его доставки в горы и иных политических мерах, которые, по мнению А. И. Нейдгардта, могут быть осуществлены для достижения поставленной цели [Там же, л. 44].

В 1843 г. Шамилю удастся установить контроль над аварской частью Дагестана, а левый фланг Кавказской укрепленной линии постоянно находился под угрозой нападений со стороны Чечни. В 1844 году планировалось

восстановить контроль российского командования над Аварией. И хотя основные представления императора Николая I о способах и средствах распространения власти Российской империи на Кавказе оставались теми же, что были изложены генералу Нейдгардту перед назначением его на Кавказ, неудачи 1843 г. оказали влияние на мнение монарха, который в силу изменившихся обстоятельств допускал отклонение от ранее принятой стратегии, а именно «наступление в самые недра гор» с целью «разбить все скопища Шамиля, разрушить все его военные заведения, овладеть всеми важнейшими пунктами в горах» (Высочайший рескрипт генерал-адъютанту Нейдгардту от 18-го декабря 1843-го года, № 1301) [Цит. по: 14, с. 160].

Как и ранее, внимание А. И. Нейдгардта обращалось на использование политических средств установление российской власти на Кавказе, с одной стороны, «не щадя денег» привлекать на сторону России ближайших сподвижников Шамиля, вносить «раздоры и несогласья» в среду окружения имама и, с другой стороны, укреплять влияние среди «покорных» и «колебавшихся племен» [14, с. 199]. Такого рода тактика была рекомендована Нейдгардту и военным министром А. И. Чернышевым.

Исходя из наставлений императора и военного министра, Нейдгардтом были составлены обращения к горцам, переведенные на арабский и «татарский» языки и распространенные в горах до начала военных действий. В начале апреля 1844 г., в рамках подготовки к Даргинской экспедиции, А. И. Нейдгардт, командир Отдельного Кавказского корпуса, обращался к феодальной аристократии, религиозным деятелям и всему народу Дагестана и Чечни. В обращении говорилось о том, что российский император поставил целью установить мир в северо-восточной части Кавказа. Для реализации этой цели на Кавказ направлены новые войска, численность которых в случае необходимости может быть увеличена. Нейдгардт обращал внимание горцев на то, что войска, направленные на Кавказ, вопреки слухам, не имеют цели борьбы с исламом и мирным населением, а нужны для того, чтобы противостоять Шамилю, который, как отмечалось в документе, из личной корысти и властолюбия сеет возмущение в горской среде, предавая горцев тяготам войны. Послание было адресовано всем слоям горского общества, как рядовым общинникам, так и представителям аристократии, в связи с чем Нейдгардт пишет о том, что Шамиль преследует цель истребить всех «наследственных владетелей», т.е. представителей горской аристократии, и завладеть их имуществом, а рядовых жителей обложить непосильными налогами, подвергая их казням и «разорениям».

Всем, кто поддерживал Шамиля ранее, но в настоящее время раскаивается в этом, Нейдгардт обещал прощение. Отдельно говорилось о том, что для сохранения веры и мечетей, традиций и обычаев, а также собственности и особенностей управления будет предпринят комплекс мер. Тем же, кто будет упорствовать в поддержке Шамиля, были обещаны казнь, выселение и лишение земель [11, д. 354, л. 4-5].

Как и было предписано военным министром, воззвание Нейдгардта было разослано начальникам всех действующих отрядов Отдельного Кавказского корпуса с тем, чтобы благодаря их усилиям достигнуть самых отдаленных аулов за несколько дней до начала военных действий. Несколько экземпляров данного воззвания были направлены начальнику Черноморской береговой линии для распространения в Закубанье [9, д. 104, л. 79-83]. Вскоре А. И. Нейдгардт был отозван с Кавказа, и руководство экспедицией в Дарго осуществлял уже М. С. Воронцов.

По итогам проведенного исследования можно сделать **выводы** о том, что период командования Отдельным Кавказским корпусом А. И. Нейдгардтом – это время, когда верховная власть Российской империи пыталась найти баланс между военными и политическими мерами распространения власти на Кавказе. Не только сама Даргинская («сухарная») экспедиция оказала влияние на кардинальное изменение общей стратегии распространения российской власти на Кавказе, но и период подготовки к ней, пришедшийся как раз на время командования войсками на Кавказе А. И. Нейдгардтом. Именно в этот период была разработана система политических мер, позднее применявшаяся на Кавказе на протяжении почти двух десятилетий. Система мер по распространению российской власти на Кавказе основывалась на следующих принципах: политические меры использовать прежде военных; задействовать цивилизующий потенциал образования; привлекать к решению проблем на Кавказе самих жителей Кавказа, отводя российским войскам роль резерва; действовать различными политическими и экономическими инструментами по отношению к разным группам местного населения в зависимости от их социального положения и отношения к России; особое внимание местного населения обращать на то, что Российская империя не посягает и не будет посягать на их веру и обычаи. Данное исследование может быть продолжено в направлении изучения дальнейшей разработки и реализации политических и экономических мер по укреплению российской власти на Кавказе.

Список источников

1. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 878 с.
2. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
3. Исарлов Л. С. Из воспоминаний бывшего грузинского губернатора князя Н. О. Палавандова // Кавказский вестник. 1900. № 4. С. 1-14.
4. Колюбакин Б. М. Кавказская экспедиция в 1845 году: поход графа Воронцова в 1845 году в Анди, к аулу Дарго и в Ичкериию: рассказ очевидца В. Н. Н...ва. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. 204 с.
5. Мемуары генерала Муса-паши Кундухова / публикация Д. И. Олейникова // Звезда. 2001. № 8. С. 110-137.
6. Николай I. Памятная записка А. И. Нейдгардту / публ. и примеч. М. В. Сидоровой // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2003. Вып. XII. С. 375-379.
7. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 2. Ермоловское время. 591 с.
8. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5. С. 4-37.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7.
10. РГВИА. Ф. 846 (Ф. ВУА). Оп. 1.
11. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1.
12. Урушадзе А. Т. «Сомнительная покорность»: проблема мирных горцев в политике Российской империи на Северном Кавказе (1840-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 124-132.
13. Филиппсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М.: В университетской типографии на Страстном бульваре, 1885. 448 с.
14. Юров А. 1844 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа, 1883. Т. 7. С. 157-382.

A. I. Neidhardt's Measures to Spread the Russian Influence in the North-Caucasian Region in 1842-1844

German Roman Eduardovich, *PhD*
Stavropol State Pedagogical Institute
romger@mail.ru

The paper examines motives to introduce and implement political measures to spread the Russian influence in the Caucasus region at the beginning of the 1840s. The author considers views of the Russian authorities on the Caucasian problem and General A. I. Neidhardt's measures to implement the government's policy. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher suggests a systemic approach to analysing political measures, proposes to differentiate social and political aspects of the investigated problem. The conclusion is made that with A. I. Neidhardt, Russia developed and approved the Caucasian strategy, the implementation of which resulted in the end of the Caucasian war.

Key words and phrases: Caucasian war; General A. I. Neidhardt; Russian power; North Caucasus; The Russian Empire; political measures.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.6>

Дата поступления рукописи: 23.05.2020

Цель исследования заключается в выявлении роли иногороднего населения Верхней Кубани в сельскохозяйственном производстве региона во второй половине XIX – начале XX в. В статье проанализирован вклад иногородних в развитие различных отраслей земледелия и скотоводства, определена степень их влияния на аграрную культуру местных горцев и казаков. *Научная новизна* работы состоит в систематизации полиэтнического состава данной категории населения и доказательстве наличия у нее самостоятельных хозяйственных навыков. *Полученные результаты* показали, что иногородние, составляя специфическую прослойку населения региона, внесли значительный вклад в его сельскохозяйственное развитие, став зачинателями ряда новых передовых направлений в аграрном секторе.

Ключевые слова и фразы: Баталпащинский уезд; иногороднее население; скотоводство; земледелие; бортничество; виноделие; табаководство; аграрные новации.

Косяшников Сергей Анатольевич

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
kavkaz7777@mail.ru

Вклад иногороднего населения в развитие сельского хозяйства региона Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX века)

Начиная со второй половины XIX в. на территории современной Карачаево-Черкесии (Верхняя Кубань, Баталпащинский отдел) происходит процесс расселения славянского и другого «иногородческого» (в основе своей христианского) населения. В среде славян выделялись две группы – казаки и так называемые иногородние. Кроме того, образовывавшиеся во второй половине XIX в. в регионе Верхней Кубани поселения греков, осетин, горских евреев, армян и других также относились по своему статусу к иногородним. При этом новаторский вклад данной категории населения в аграрный сектор экономики Карачаево-Черкесии, исследованный в данной статье, представляет определенный интерес для современной агрономии, что и составляет *актуальность* предложенной работы.

Для достижения цели статьи автором поставлены следующие *задачи*: рассмотреть вклад иногороднего населения в развитие скотоводства; определить новации, привнесенные иногородними в хозяйственную жизнь Баталпащинского отдела (уезда); оценить его роль в земледелии и в подсобных отраслях хозяйства региона. Среди *методов*, применявшихся в данном исследовании, необходимо отметить историко-статистический, который дал возможность выявить и обосновать тенденции развития региона, и историко-генетический, позволивший осветить социальный генезис прослойки иногородних. В работе также использовались методы диахронного и синхронного сравнения. Первый из них раскрывает черты, отличающие один этап истории иногороднего